

УДК 81'366:81'37
ББК 81.2-2

О.В. Колочкова

**ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ
СТАТУС СЛОВА
КАК ГРАММАТИЧЕСКОЙ
ЕДИНИЦЫ В АКТЕ
СЕМАНТИЧЕСКОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ
«АДЪЕКТИВАЦИИ»
ПРИЧАСТИЙ)**

В статье рассматривается необходимость разрабатывать способы адекватной оценки «промежуточных» языковых образований, т.е. тех, которые имеют признаки, характерные для нескольких явлений одновременно. Так, существуют слова, которые оказывается невозможным однозначно квалифицировать как причастие или прилагательное.

Ключевые слова: *семантическое словообразование, переосмысление, адъективация, «переход», часть речи, причастие, имя прилагательное.*

Колочкова Ольга Владимировна — соискатель кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета
Тел.: 8-919-643-23-96
E-mail: olga_kolochkova@mail.ru

© О.В. Колочкова, 2009 г.

Стремление дать всему чёткое определение, строго всё расклассифицировать свойственно природе человека и проявляется в различных областях его деятельности, особенно в науке (основное предназначение которой и заключается в упорядочивании некоторого объёма знаний о мире), в частности в науке о языке, поскольку принятие того, что язык есть система, зачастую провоцирует такое его осознание, при котором оказывается вполне логичным признание наличия возможности распределить *все* языковые единицы по определённым клеточкам этой системы.

Однако совершенно очевидно, что, помимо центральных, ядерных явлений, существуют и *периферийные*, которые имеют признаки, характерные для нескольких явлений одновременно. Именно ввиду такого положения дел мы и можем говорить о том, что язык — система динамическая, так как развитие её детерминируют именно эти контаминированные звенья (их постоянное появление, трансформация и «исчезновение», точнее утрата ими своего «переходного» статуса и, как результат, примыкание к одному из центров), заключающие в себе противоречия того или иного рода (как правило, несоответствие между содержанием и формой).

Подобные неоднозначные случаи пронизывают языковую

систему на всех уровнях, но особенно актуальны они для морфологии как частеречной теории, где их обычно именуют «трудными случаями» или «трудными вопросами». В данной статье наше внимание привлекло соотношение в языке и речи таких явлений, как причастие и имя прилагательное, преломлённое сквозь призму семантического словообразования.

Семантическое словообразование, или безморфемная деривация, — феномен, до сих пор вызывающий противоречивые толкования в отечественной лингвистике, что можно объяснить двумя причинами: 1) сложностью самого явления; 2) его недостаточной теоретической разработкой. При этом не вызывает сомнений тот факт, что образование имён прилагательных от причастий семантическим путём (так называемая «адъективация») — продуктивный способ обогащения лексического состава современного русского языка словами со значением качества. Однако, прежде чем осуществится единичный акт отпочкования новой единицы (омонима по отношению к своему производящему), слово, не переставая функционировать в тексте, переживает период, когда интенсивно накапливаются различные смысловые оттенки.

Отсюда следует, что постепенно оно утрачивает признаки одной части речи и, одновременно приобретая признаки другой (семантические, грамматические, синтаксические), **становится трудно опознаваемым** с точки зрения своего частеречного статуса. Большинство языковедов, исследуя подобные случаи, «прикрепляет» синкретичные образования то к одной части речи, то к другой, однако, на наш взгляд, гибридные единицы не стоит квалифицировать по принципу «или — или», а надо отмечать как «и то и другое».

В противном случае, при описании фактов контаминационного характера в лингвистической литературе нередко даются совершенно противоположные трактовки одного и того же явления: некоторые учёные относят его к А, другие — к Б, учитывая при этом только какие-либо одни свойства «промежуточных» образований, характерные для избранного члена оппозиции. Изучение гибридных дериватов даёт более гибкую, соответствующую системе языка и речи классификацию структурно-семантических классов, выявляет переходные звенья, объединяющие части речи в динамическую систему взаимодействующих единиц.

И совершенно ясным оказывается то, что стремление к однозначной классификации синкретичных образований не отражает их подлинной сущности, а ведь зачастую подобная «однобокость» приводит к неверной (с точки зрения смысла) орфографии (в случае с причастием и прилагательным — слитно/раздельно с *не-*, количество *н* в суффиксе). Иными словами, изучение этого процесса имеет не только теоретиче-

ское, но и практическое значение (в первую очередь — при *обучении* языку в школе).

Таким образом, **цель данной статьи** — обосновать необходимость учёта конкретного контекстуального значения слова при определении частеречного статуса грамматической единицы в тексте (на примере причастия и имени прилагательного). Для достижения поставленной цели последовательно решались такие *задачи*, как: 1) систематизировать взгляды различных учёных-языковедов на явление «перехода» слова из одной части речи в другую; 2) обосновать невозможность такого «перехода» (это — акт безморфемной деривации); 3) для наглядности графически изобразить процесс семантического словообразования в виде прямой; 4) определить место рассматриваемых контекстов на данной прямой.

Многообразие и неоднородность явлений, имеющих отношение к так называемому «переходу из одной части речи в другую», способствовали образованию разноречивой *терминологии* вокруг этого понятия:

• **взаимодействие** (самый широкий термин, включающий в себя все те языковые явления, которые нельзя отнести к качественно и количественно определённым категориям) / **переход** / **переходность** / **транспозиция частей речи**.

При этом некоторые учёные отождествляют эти понятия (А.М. Пешковский). Более того, автор «Русского синтаксиса в научном освещении» выдвигает ещё такой термин, как *замена*, — ‘употребление одной части речи в смысле другой’, но граница, которую он намечает между заменой и собственно переходностью, очень зыбкая (в качестве примеров обоих процессов он приводит субстантивированные прилагательные).

Однако следует отдать А.М. Пешковскому должное в том плане, что он впервые в русской грамматике достаточно глубоко исследовал такие языковые единицы, которые невозможно однозначно отнести к той или иной части речи [Пешковский, 1956, с. 308—324]. Позже А.А. Шахматов стал рассматривать их в диахронном плане, относя образование контаминированных единиц к процессам, происходящим в течение длительного периода развития языка [Шахматов, 1957, с. 206 — 227].

Другие выделяют здесь гиперо-гипонимические отношения:

а) А.С. Бедняков [Бедняков, 1941, с. 16—18]: «переходность» как ‘способность к переходу’ и сам процесс «перехода»;

б) Л.В. Бортэ [Бортэ, 1973, с. 37—39]: «транспозиция» как ‘начальная стадия «переходности»’;

Третьи (А.Я. Баудер) дифференцируют их как ‘способность языковых единиц к структурному и семантическому преобразованию’ («переходность») и ‘сам процесс преобразования дифференциальных признаков языковой единицы одного класса и приобретение этой еди-

ницей дифференциальных признаков другого класса' («собственно переход») [Баудер, 1967, с. 13 – 15];

• **трансформация** (В.Г. Мигирин). Автор этого термина пишет о том, что трансформация на уровне частей речи разложима на элементарные процессы, представляющие собой [Мигирин, 1971, с. 14–48]:

а) «эллипсис» ('утрата морфологического признака');

б) «интерпозицию» ('введение в комплекс дифференциальных признаков части речи нового морфологического признака');

в) «субституцию» ('замена одного из признаков другим').

• **конверсия** (А.И. Смирницкий) – «переход» слова из одной части речи в другую, где в качестве словообразовательного средства выступает морфологическая парадигма [Смирницкий, 1956, с. 42–46]. Однако здесь следует обратить внимание на такие факты, как:

– при конверсии наблюдается лишь внешнее совпадение определённых словоформ разных частей речи (омоформы), следовательно, это явление не имеет ничего общего с «переходностью» как диахронным процессом;

– конверсия свойственна скорее языкам аналитического типа, чем русскому (как языку флективному);

– хотя образования типа *течь* (глагол) – *течь* (имя существительное) и можно с некоторыми оговорками подвести под конверсию, но в современном русском языке данный способ словообразования совершенно непродуктивен;

• **лексико-грамматическая субституция** (М.Ф. Лукин) – образование словоформами тех или иных частей речи своих вторичных форм и более или менее регулярное использование в качестве субститутов заместителей потенциальных словоформ других частей речи: «При субституции неизбежно приходится иметь дело со словами-двойниками» [Лукин, 1982, с. 79–80].

Как нетрудно заметить из данного определения субституции, между ним и традиционным пониманием процесса «перехода» нет принципиальной разницы. М.Ф. Лукин пишет: «Языковая практика показывает, что субституция – взаимодействие разных словообразовательных способов» [Лукин, 1982, с. 79], настаивая на том, что его трактовка взаимодействия языковых элементов более всеохватывающая, чем область понятия «переход». Но, на наш взгляд, эта трактовка очень похожа на понимание А.С. Бедняковым явления «переходности», – таким образом, здесь спор ведётся главным образом на терминологическом уровне, а не касается сущности исследуемого нами процесса.

Очень часто в русском языкознании вопросы, связанные с «переходом» из одной части речи в другую, рассматривались в рамках морфолого-синтаксического способа словообразования (т.е. акт деривации всё же признавался), который заключается в изменении категори-

ального значения, сопровождающемся различием в морфологической парадигме и синтаксической функции. Однако при вышеописанном подходе к проблеме из поля зрения учёных ускользает собственно словообразовательный аспект: момент отношения мотивирующего и мотивированного элементов; учитывается форма слова и её соответствие синтаксической функции, но упускается содержательная структура производных.

Таким образом, нетрудно обнаружить, что взгляды лингвистов на взаимосвязь и разграничение транспозиции и словообразования неоднозначны. Поэтому, несмотря на многочисленные исследования, этот вопрос до сих пор остаётся открытым. Сама внутренняя форма слова «переход» противоречит тому смыслу, который в него вкладывается большинством учёных. Следовательно, говорить о «переходе» если не нельзя, то, по крайней мере, некорректно. Очевидно, в результате наблюдаемого нами процесса образуется **новое слово** (просто без участия какого-либо материально выраженного показателя).

В этом отношении наиболее чётко аргументированной, недвусмысленной и логичной представляется нам точка зрения профессора В.М. Маркова, отстаивающего корреляцию в языке морфемного и безморфемного способов словообразования: «Семантическое словообразование, как известно, осуществляется путём включения слова в иной лексический разряд, в результате чего образуются омонимы» [Марков, 1981, с. 9]. Несомненно, в тот момент, как только произошло переосмысление, перед нами — отдельное слово, несмотря на то, что связи со словом-производителем могут быть очень тесными: «... пока любое вновь образованное слово не отстоялось в своей изолированности, пока оно не испытало того, что принято называть деэтимологизацией, оно находится в очевидной семантической связи со словом-основой, будучи при этом отдельным, самостоятельным словом» [Марков, 1981, с. 9].

Каков же механизм отпочкования производного слова? Количественное накопление ассоциаций — качественный «скачок». Но, прежде чем это произойдёт, слово, образованное семантически, должно пережить, по словам профессора В.М. Маркова, «стадию окказиональности», после которой последует постановка его в иной лексический разряд. В языке «стадия окказиональности» обнаруживается не только на уровне лексического значения, но и на грамматическом уровне, рождая возможность для появления так называемых промежуточных, контаминированных образований с точки зрения их грамматического статуса. В данной статье и исследуются такие «двусмысленные» ситуации на примере образования от причастий имён прилагательных.

Изобразим (*рис. 1*) прямую, соединяющую две конечные стадии этого процесса: слева — «чистое причастие», справа — «чистое при-

лагательное», образованное от него. Таким образом, рассмотрим сам процесс «количественного накопления ассоциаций» на конкретных примерах (которые мы для наглядности будем располагать на данной прямой).

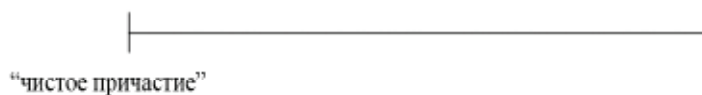

Рис. 1. Процесс «количественного накопления ассоциаций» при семантической деривации

Обратимся к цитате из «Русской грамматики»: «В тех случаях, когда причастие представляет действие как признак, свойство, в его отвлечении от временной приуроченности, создаются условия для **развития у причастий адъективных значений**, то есть значений, характерных для отглагольных прилагательных. <...> Развитие у причастий адъективных значений **не выводит их за пределы глагольных форм, не переводит их в класс прилагательных**, поскольку эти адъективные значения сохраняют соотносительность с временными, видовыми, залоговыми значениями соответствующих причастий. В рамках причастий с адъективными значениями могут развиваться новые (качественные) лексические значения» (купюры цитаты наши; выделено нами. — О.К.) [Русская грамматика 1980].

Заметим, что сам процесс «развития значения» подмечен верно, но авторы «Грамматики-80» ни в коем случае не допускают образования от причастной формы семантического деривата, предлагая считать причастием даже такие слова, которые с категориальным значением данной части речи уже не имеют явных связей. А если ещё учесть, что, по мнению авторов данной «Грамматики», причастие есть форма глагола, то получается, что перед нами — часть *глагольной* парадигмы. Как легко заметить, если статус слова с «качественным» лексическим значением определять как статус имени прилагательного, образованного от причастия, то данное противоречие исчезает само собой. А утрата формой непосредственной глагольной мотивации и, следовательно, семантических связей с исходным производящим глаголом мыслится в этом случае как словообразовательное средство.

Что касается «причастий с адъективным значением», то здесь речь идёт о тех образованиях, которые на нашей воображаемой прямой занимают срединную позицию (рис. 2).

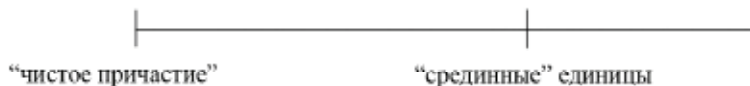

Рис. 2. Положение «срединных» единиц на прямой

Приведём примеры некоторых из них в таблице.

«Срединные» единицы

Синонимичные придаточные предложения	«Срединные» единицы	Прилагательные- синонимы	Глагол, от которого образовано «первич- ное» причастие
Волосы, кото- рые вьются	Вьющиеся во- лосы	Кудрявые	Виться (несовершен- ный вид)
Вещества, кото- рые отравляют	Отравляющие вещества	Ядовитые	Отравлять (несовер- шенный вид)
Зрелище, кото- рое волнует	Волнующее зрелище	Необыкновенное	Волновать (несовер- шенный вид)

Обратим внимание на то, что у всех подобных образований достаточно ограниченная сочетаемость: в основном, определяемое слово можно заменить только одним из гипонимов (естественно, в том случае, если причастие употреблено в прямом, а не в переносном значении). О чём это говорит? Прежде всего о том, что толчок к отпочкованию подобных контаминированных образований даётся тогда, когда носители языка начинают воспринимать такие выражения если не в качестве идиоматичных, то, по крайней мере, устойчивых.

На элементарном уровне (в школе, например) предлагают различать причастие и прилагательное таким образом: если можно заменить придаточным предложением или же оборотом в постпозиции относительно определяемого слова, то перед нами — причастие; если синонимичным прилагательным, то это — прилагательное. Но к какой части речи следует относить форму, которую одновременно можно заменить и тем и другим? С семантической стороны возможность такой двоякой замены означает, что перед нами форма, значение времени и залоговая корреляция в которой стёрлись ровно настолько, насколько усилилось значение качества, поэтому, как бы мы её ни расценивали, любое толкование будет *совершенно правильным*. Однако, на наш взгляд, было бы логичнее относить подобные образования к **причастиям** (образованным от омонимичных им же причастий, которые также функционируют в современном языке): вместо этих форм в предложении может выступать глагол, что недопустимо, если речь идёт о прилагательном.

Какие же **условия** необходимы для возникновения возможности образования прилагательного от причастия?

Утрата причастной формой или, по крайней мере, ослабление у неё признаков, несвойственных прилагательному, а именно: категорий времени и залога, влияния категорий вида и переходности/непереходности производящего глагола.

В результате этого, естественно, происходит смена (по крайней мере, некоторая модификация) лексического значения производящего причастия. На первый план постепенно выходит значение статичного, постоянного качества.

Отсутствие пояснительных слов, усиливающих глагольную природу причастия, т.е. производящее причастие должно быть одиночным, а не находиться в составе оборота.

С этим положением связано последнее условие: причастный оборот, как правило, стоит после определяемого слова, но, чтобы появилась возможность образования прилагательного, причастие должно предварять определяемое слово, — ведь «исконное» имя прилагательное, выполняющее в предложении роль определения, в обычной (не поэтической) речи, как правило, стоит в препозиции.

Естественно, что семантический дериват может образоваться и без соблюдения *всех* четырёх условий, но выполнение первых двух обязательно. Посмотрим, что происходит, когда третье и четвёртое условия не соблюдаются. Обратимся к такому контексту: *нетронуты в прозе и в стихах*, взятому из произведения Дж. Мильтона «Потерянный рай» [Мильтон, 2003]. Составим словообразовательную цепочку: глагол *тронуть* со значением *прикоснуться, задеть* → (морфологически: суффикс *-т-*) причастие *тронутый* (*тот, кого тронули*) → (семантически) прилагательное *нетронутый* (*цельный, новый, неизвестный*).

Как видим, «причастность» поддерживается здесь зависимыми словами (что в какой-то мере лишает признак его абсолютности) и тем, что в контексте выступает краткая форма, хотя данную единицу нельзя заменить *совершенно* тождественным придаточным предложением (*то, что не тронули*). Можно подобрать лишь описательную придаточную конструкцию: *то, о чём ещё не упомянули ни в прозе ни в стихах*, т.е. в данном контексте образование *нетронуты* оказывается синонимичным образованию *не затронуты* (или *не упомянуты*). Подчеркнём: оказывается **синонимичным причастным формам**. В то же время слово написано слитно с *не* и вполне может быть заменено синонимичным именем прилагательным: например, *неизвестны в прозе и в стихах*.

Отсюда и возникает затруднение при отнесении данной единицы к той или иной части речи; оказывается совершенно непонятным, чего в приведённом примере больше: «глагольности» или «качественности», грань между ними стирается. Но если всё же попытаться определить

место данной единицы на прямой (рис. 3), то она, по нашему мнению, будет находиться где-то между серединой и «чистым» именем прилагательным, поскольку грамматические значения категорий времени и залога, свойственные собственно причастной форме, здесь уже почти совсем утратились.

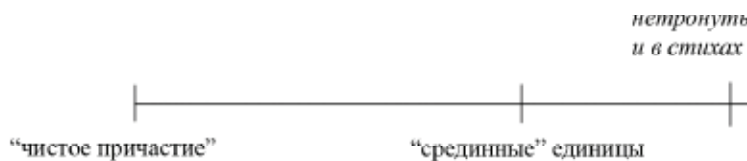

Рис. 3. Положение единицы «нетронуты в прозе и в стихах» на прямой

Теперь обратимся к контексту №2: *Тема, ещё почти незатронутая в литературе русского сентиментализма* [Кочеткова, 1994, с. 149]. Словообразовательная цепочка для прилагательного *незатронутый* будет следующей: глагол *тронуть* со значением *прикасаться, задевать* → (морфологически: приставка *за-*) глагол *затронуть* с более конкретным значением (*неполнота действия*) → (морфологически: суффикс *-т-*) причастие *затронутый* (*то, что затронули*) → (семантически) прилагательное *незатронутый* (*цельный, новый, непочатый*).

В слове *незатронутый* (по сравнению с *нетронутый*) глагольность проявляется ярче за счёт:

- приставки *за-*, конкретизирующей значение действия;
- форма *затронутый* может функционировать в языке и без *не*, в отличие от *тронутый* (имеется в виду, в этом значении).

Но, в целом, отнесение единицы из контекста № 2 к той или иной части речи затрудняется теми же причинами, что и в примере № 1. Попробуем заменить второй контекст придаточным предложением и синонимичным прилагательным: *Тема, которую ещё не затронули в литературе русского сентиментализма* и *Тема, ещё новая для русского сентиментализма* (или *ещё неизвестная русскому сентиментализму*). В принципе, заменяется. Тогда что же мешает отнести данное образование к так называемым «срединным» единицам, рассмотренным нами выше?

Очевидно, тот факт, что наравне с данными, промежуточными формами функционируют и омонимичные им причастия, а также имена прилагательные с собственно адъективным значением *цельный, непочатый, новый*, что говорит о том, что в данном случае наличествует уже конечная стадия семантического процесса — прилагательное, образованное от причастия, а язык зафиксировал определённый момент в процессе «количественного накопления ассоциаций».

Таким образом, возникает закономерный вопрос: к какой же части речи всё же ближе подобные образования? И ответ на него крайне принципиален, поскольку от адекватного восприятия данных единиц зависит и их правописание. Естественно, в каждом конкретном контексте приходится руководствоваться разными методами, но, на наш взгляд, приведённые выше написания следует считать абсолютно верными, раз мы не видим на данном этапе развития языка яркой связи с глагольными характеристиками, а можем её обнаружить, лишь прибегая к разного рода лингвистическим изыскам. Следовательно, происходит «перераспределение» процесса и качества, очевидно, в пользу последнего, на базе чего и образуется новая единица — новое, самостоятельное **имя прилагательное**, хотя и являющееся лишь промежуточным звеном на пути отпочкования от причастной формы прилагательного уже с чисто качественным значением.

Примеры № 3 и № 4 более сложны: это образования с суффиксом *-енн-*: *всё ненарушенным остался б ваш покой* [Мольер, 2003] и *оказались неподготовленными к ней* [Диккенс, 1987, с. 164]. Как считают авторы «Русской грамматики», подобные формы вообще «не поддаются чёткой дифференциации» [Русская грамматика 1980], т.е. весьма трудно определить, что же перед нами — страдательное причастие или отглагольное имя прилагательное.

С формальной точки зрения наличие зависимых слов при подобных образованиях лишь усиливает совершенную неразбериху с определением частеречной принадлежности, а при неверной трактовке страдает, прежде всего, орфография. Но при более детальном грамматическом анализе данных форм мы в конце концов приходим к выводу, что единицы из контекстов № 3 и № 4 обозначают **качество** определяемого ими понятия, а не процессуальный признак. Заметим, они входят в состав именного сказуемого и сочетаются с глаголами-связками (*остаться, оказаться* и т.п.), которые и указывают на то или иное время (прошедшее, настоящее или будущее), так что сами интересующие нас образования несут лишь *лексическую нагрузку*, определяя предмет с точки зрения тех свойств, которыми он обладает.

Обратившись непосредственно к примеру № 3, увидим, что, для того чтобы *ненарушенный* однозначно можно было классифицировать в качестве причастия, оно должно находиться в составе причастного оборота, — как только подобное образование выступает в составе сказуемого, оно теряет свою «природную» процессуальность, всемерно уподобляясь имени прилагательному. Но всё же «чистого» прилагательного *ненарушенный* не существует, поскольку значение действия (*то, что не нарушили*) так или иначе даёт о себе знать.

Контекст № 4 также очень интересен, но (по сравнению с предыдущим примером) ситуация здесь осложняется ещё и тем, что уже на-

личествуется конечный семантический дериват. Глагол *оказаться* явно требует после себя какую-то единицу, выражающую качество, статичное, абсолютное. Таковой единицей в данном контексте и является *неподготовленные*.

А теперь обратим внимание на так называемые **метафорические** промежуточные образования: *разбитая мечта* [Диккенс, 1990, с. 181], *отравленные метафоры* [http://kulichki.com/moshkow/INPROZ/IONESKO_E/oriflamm.txt], *развращённая идеология* [http://kulichki.com/moshkow/INPROZ/IONESKO_E/oriflamm.txt], *ущемлённое сердце* [Гофман, 1983, с. 205]. Очевидно, именно эта метафоричность и затрудняет отнесение их либо к причастиям, либо к прилагательным, поскольку само лексическое значение каждой единицы оказывается «затемнённым», мы осознаём его лишь на основе целого ряда ассоциаций, образов (набор которых совершенно индивидуален для каждого человека), возникающих в нашем сознании, но не руководствуемся логикой чёткого словарного определения.

Выделим те обобщённые значения, которыми обладают причастия-омонимы с одной стороны и прилагательные, от них образованные, с другой. Причастие указывает на действие, которому некогда подвергся тот или иной предмет, например: *разбитый флакон — это флакон, который разбили*, *отравленный человек — человек, которого отравили*, *развращённая девушка — девушка, которую развратили*, *ущемлённый палец — палец, который ущемили*. А прилагательное указывает на то, каким качеством обладает предмет: *разбитый человек — грустный*, *отравленное существование — невыносимое* и т.п. Причём нетрудно заметить, что прилагательные тоже заключают в себе некие метафорические значения, но, в отличие от значений контаминированных единиц, их вполне можно заменить синонимами, что само по себе говорит уже о некоей кристаллизации семантики прилагательных. Более того, эти сочетания прилагательных с определяемыми словами являются своего рода фразеологическими единицами.

Особняком стоят такие образования, как *скрещенные руки*. Почему же мы их вообще считаем промежуточными единицами? Потому, что *скрещенные руки* — это не просто руки, которые скрестили (как, например, палки или сабли), а руки, уже обладающие каким-то собственным признаком, хотя, несомненно, некогда и явившимся результатом произведённого действия (о чём свидетельствует и тот факт, что *скрещенные* нельзя заменить синонимичным именем прилагательным).

Таким образом, вырисовывается следующая картина.

Перехода слова из одной части речи в другую нет — перед нами продукты семантического словообразования, осуществляющегося по тем же законам, что и морфологическое. Но, прежде чем произойдёт акт безморфемной деривации, должно произойти накопление ассоциаций,

с помощью которого и осуществится постановка данной единицы в иной лексический разряд. Любое слово на любом этапе нашей прямой является совершенно самостоятельной единицей, определённой ступенью деривации, т.е. омонимом к производящему его причастию и к прилагательному (если таковое уже имеется), поскольку поводом для семантического словообразования служит всякое, даже самое *незначительное переосмысление*.

Так называемая «грамматическая стадия окказиональности» обнаруживается только **в контексте**. Одиночные причастные формы или имена прилагательные, от них образованные, сами по себе чётко распределяются по своим частям речи.

Исходные причастные формы обладают большей абстракцией по сравнению со своими семантическими дериватами: «постепенное приобретение качества» конкретизирует лексическое значение слова, а грамматическое значение глагольной процессуальности сводится к констатации состояния, в котором оказывается предмет в результате произведённого (им или над ним) действия.

Все промежуточные единицы (уже не причастия, но ещё и не прилагательные) можно сгруппировать по следующим **типам**:

– «срединные» образования: замены придаточным предложением и прилагательным-синонимом абсолютно эквивалентны (*отравляющие вещества*);

– промежуточные метафорические образования, наравне с которыми существуют и производящие их причастия и прилагательные-омонимы (*ущемлённое сердце*);

– промежуточные образования, наравне с которыми также существуют как омонимичные причастия, так и омонимичные имена прилагательные, но их «промежуточность» является не результатом метафорического переноса, а результатом наличия в контексте зависимых слов или употребления краткой формы в составе сказуемого, что усиливает глагольность единицы (*нетронуты в прозе и в стихах*);

– формы, которые по своему значению уже отличаются от причастий, но окончательного качественного «скачка» ещё не произошло, поэтому омонимичное прилагательное в языке ещё не функционирует (*сложенные руки*).

При написании той или иной контаминированной единицы нужно исходить из грамматической семантики и собственно лексического значения имеющегося образования, а форма, как известно, всегда определяется содержанием.

Литература

1. *Баудер А.Я.* Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка и смежные явления // *Материалы по русско-славянскому языкознанию.* Вып. 3. Воронеж, 1967.
2. *Бедняков А.С.* Явления переходности грамматических категорий в современном русском языке // *РЯШ.* М., 1941. № 3.
3. *Бортэ Л.В.* Влияние синтаксической функции на процесс взаимодействия частей речи // *Проблемы теории членов предложения.* Кишинёв, 1973.
4. *Гофман Э.-Т.-А.* Новеллы : пер. с нем. М., 1983.
5. *Диккенс Ч.* Большие надежды : пер. с англ. М., 1987.
6. *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба. Т. 1. М., 1990.
7. *Ионеско Э.* Орифламма / Пер. А. Гаврилова. [2003]. URL: http://kulichki.com/moshkow/INPROZ/IONESKO_E/oriflamm.txt (дата обращения 26.10.03)
8. *Кочеткова И.Д.* Литература русского сентиментализма : эстетические и художественные искания. СПб., 1994.
9. *Лукин М.Ф.* Переход частей речи или их субституция? // *НДВШ. Филол. науки.* М., 1982, № 2.
10. *Марков В.М.* О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.
11. *Мигирин В.Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971.
12. *Мильтон Д.* Потерянный рай / Пер. Арк. Штейнберга. [2003]. URL: <http://kulichki.com/moshkow/POEZIQ/MILTON/milton.txt> (дата обращения 18.09.03)
13. *Мольер Ж.-Б.* Летающий доктор / Пер. Г. Бояджиева. [2003]. URL: <http://kulichki.com/moshkow/MOLIER/doktor.txt> (дата обращения 18.09.03)
14. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
15. *Смирницкий А.И.* Аналитические формы // 1956. ВЯ. № 2.
16. *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.
17. *Русская грамматика* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. URL: <http://rusgram.narod.ru> (дата обращения 27.09.07)